

СОЦИОЛОГИЯ

ЭТНИЧЕСКОЕ САМОСОЗНАНИЕ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ ИССЛЕДОВАНИЯ

М.М. Шахбанова
Институт ИАЭ ДНЦ РАН, Махачкала

(madina2405@mail.ru)

Аннотация: В статье излагаются существующие в современной западной и российской науке концепции исследования этничности и этнической идентичности, ее соотношение с этническим самосознанием.

Annotation: In the article there are stated existing in modern Western and Russian science concepts of research of ethnicity and ethnical identity and it's interrelation with ethnical consciousness.

Ключевые слова: идентичность, самоидентификация, этническая идентичность, этническое самосознание, примордиализм, конструктивизм, инструментализм.

Key words: identity, self-identification, ethnic identity, ethnic consciousness, primordialism, constructivism, instrumentalism.

Современные реалии актуализировали исследование состояния и направленности изменений самосознания, идентификации различных этнических групп населения под воздействием объективных и субъективных факторов. Опыт последних десятилетий показывает, что своевременное выявление общественным мнением состояния этнической самоидентификации способствует разработке действенных мер по предотвращению межэтнического противостояния и конфликтов.

Термин «идентичность» широко вошел в этносоциологию и междисциплинарные исследования в конце 70-х гг. прошлого века, благодаря исследованиям Э. Эриксона, который рассматривает ее в двух аспектах: «Я-идентичность (природное и индивидуальное) и социальная идентичность (включенность личности в социальные процессы)» (Эриксон Э., 1996. С. 14). Как отмечает А. Турен, «идентичность – осознанное самоопределение социального субъекта» (Цит. по: Сагдиева Э.А., 2009. С. 152).

В отечественной науке категория «идентичность» приобрела актуальность в 90-х гг. XX столетия в процессе изучения проблемы этнической идентификации. В исследованиях более раннего периода идентичность была больше связана с процессом социализации и самоопределения личности, социальной трансформации.

Феномен идентичности нуждается в серьезном многоаспектном изучении и исследовании ввиду того, что проблема самоопределения и самосознания тесно связана с вопросом о субъекте, причем, масштабная трансформация общественных структур неизменно влечет за собой процесс социальной идентификации и самоидентификации личности.

Под идентичностью в самом общем виде понимается «процесс идентификации индивида с социальными образцами поведения и ожиданиями его социальной среды, необходимостью все нового и нового согласования собственных притязаний с притязаниями других» (Водопьянова Н.А., 2007. С. 54).

Исследование идентичности в поликультурном пространстве актуализировано возникшей потребностью современного человека в систематизации своей жизни, необходимостью принятия преобладающих в данном сообществе ценностей, символов, норм поведения и т. д. Несомненно, формирование идентичности для подавляющей части общества является процессом, который не очень отчетливо осознается, он основан больше на интуиции, поэтому, как отмечает М.А. Водопьянова, «свойственные человеческой психике инертность, стремление уйти от духовного

напряжения ведут к тому, что многие в развитии своего «Я», своей индивидуальности идут по пути наименьшего сопротивления, заменяя свою уникальность изменчивым мозаичным набором частичных идентичностей, которые «в готовом виде» могут предложить современные средства массовой информации» (*Водопьянова Н. А., 2007. С. 55*).

Идентичность является системой, причем, сложной системой, включающей в себя многие идентификационные формы. В современной науке общепринятой является узкое рассмотрение понятия идентичности, оставляющее за рамками исследования множественность ее форм, впрочем, как и субъективно значимые основания для тождественности индивидов с различными общностями. Исследователи в основном фиксируют существование различных видов идентичности – национальной, этнической, этнокультурной, расовой, культурной, социокультурной, возрастной, профессиональной, региональной, имущественной, политической и др. Обозначенные формы идентичности являются общепризнанными и наиболее часто употребляемыми при исследовании. Однако, представляется необходимым к этим предикатам причислить и государственную идентичность, которая является осознанием индивидом своей тождественности с государством.

Идентичность, как самоопределение личности по отношению к другим, своим и чужим, представляет собой социальный конструкт, который определяется местом рождения, самоназванием, расовой и национальной принадлежностью, родным языком. Важное значение в самоопределении личности имеют также конфессиональная принадлежность, территория проживания, гражданство, профессиональный и семейный статус, которые однако, подвержены изменениям. Можно утверждать, что идентичность личности не характеризуется статичностью и подвержена процессу изменчивости, она находится в постоянном движении, поэтому на разных этапах жизнедеятельности человека может наблюдаться преобладание разных признаков. Иными словами, идентичность выступает как результат и продукт определенных обстоятельств. Характерный самоидентификации динамизм составляет объективную трудность в процессе исследования феномена идентичности. Как известно, переплетенность множественных по своей природе коллективных и культурных идентичностей (этническая, региональная, конфессиональная, национально-государственная и т. д.), их взаимообусловленность и взаимозависимость, соединяясь одна с другой, в разных ситуациях образуют нерасторжимую связь.

Исследователи отмечают множество оттенков идентичности, например, «идентичность как тождественность», «идентичность как подлинность», «идентичность как принадлежность индивида к какой-либо общности людей» (*Иванова С. Ю., Аракелян Э. А., 2007. С. 81*).

Исследователями не одно десятилетие констатируется кризис идентичности и проблемы, связанные с ним, как «острое чувство потери идентичности в современной России» и «внезапную утрату личной идентичности», что актуализировало рост исследований в сфере политики идентичности, механизмов становления и путей формирования надэтнических (государственной и гражданской) идентичностей. Более того, опасность кризиса идентичности заключается в заложенном в нем сильном деструктивном потенциале: «в условиях неопределенности и частичного разрушения этнических, государственных, корпоративных, профессиональных и социальных связей на всех уровнях общества теряется или деформируется социальная модель поведения и индивидов, и социальных групп, происходит своего рода "биологизация" поведения, упрощение мотивации, с одной стороны, а с другой – ее усложнение в связи с частичной переориентацией на нетрадиционные социальные и этнокультурные ориентиры» (*Иванова С. Ю., Аракелян Э. А., 2007. С. 77*).

Таким образом, социально-экономические, политические, культурные трансформации российского общества привели к кризису идентичности, к психологическому дискомфорту подавляющей части населения. В частности, кризис национальной идентичности в России сопровождается небывалым ранее ростом социальной напряженности и ксенофобии, националистической идеологии и антисемитизма, неприязни к кавказцам и жителям Средней Азии, по причине интолерантных установок в общественном сознании и поведении россиян.

Исследователи этих процессов пытаются определить этнические символы и ценности, которые способны консолидировать общество и при усиливающейся самоидентификации народов могут сформировать толерантные установки в общественном сознании и поведении. Без учета фактора идентичности вряд ли можно с уверенностью говорить об успешности реформ в любой из сфер – экономической, политической, социальной. Гипертрофирование идентичности, в том числе, и

этничности, приводит к формированию неприятия иной национальной группы и является основой дестабилизации межэтнических отношений.

Исследуя феномен этничности, М. Бэнкс отмечал, что «на протяжении многих лет «этничность» является ключевым понятием социологии и антропологии, но, тем не менее, по-прежнему, представляется неясным его значение, применение и соотношение с другими понятиями» (Banks M., 1996. P. 1). Именно это и обуславливает существование многообразных точек зрения на данное явление, что в свою очередь актуализирует необходимость изучения данной дефиниции применительно к современным условиям.

Дискуссия о национальном самосознании и этнической идентичности имеет длительную историю. К проблеме изучения этнического (национального) самосознания ученые обращались еще в начале XX столетия. П.Н. Милюков в работе «Очерки по истории русской культуры», рассматривая историю «народного самосознания», отмечал, что «оно долго оставалось монополией создавшего его мировоззрения, и содержание «народного самосознания», решавшее важнейшие вопросы народной жизни, считалось неподлежащим анализу: оно было дано искони, от века вложено в сознавший себя народ». Этот исследователь предпринял попытку рассмотреть становление национального самосознания в историческом контексте. По его мнению, «сознание об особенностях своего типа в племенной период существует как легенда о едином родоначальнике племени или о братьях родоначальника племен, сознающих свою национальную близость. Как более сложная форма национальное самосознание развивается в период территориального объединения наций, когда язык и физический тип являются основными чертами, определяющими несходство, а затем определенную роль играет религия» (Милюков П.Н., 1901. С. 17).

В советский период интерес к феномену национального самосознания спал, ибо оказался не включенным в сталинское определение нации, по которому под нацией понималась исторически сложившаяся устойчивая общность людей, возникшая на базе общности языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры.

Впервые в обществоведческой литературе определение национального самосознания было дано В.В. Мавродиным. Он указал, что «термин «национальное самосознание» я применяю в смысле сознания единства людей, принадлежащих к данному народу, к данной народности или нации, единства их интересов, психологического склада и т. п.» (Мавродин В.В., 1947. С. 25). Рассматривая вопрос формирования народности, В.В. Мавродин отмечал, что «два основных фактора определяют собой народность как понятие этническое: язык и национальное самосознание, сознание себя как единой народности» (Мавродин В.В., 1945. С. 396). В те же годы, появилась работа Д.С. Лихачева, в которой формирование самосознания русского народа рассматривалось через анализ развития русской литературы и искусства XI–XVII вв. (Лихачев Д.С., 1945. С. 48). В последующем проблема национального самосознания получила отражение в работе П.И. Кушнера, определившего его как «основной этнический определитель»: «для правильного ответа на вопрос о национальности необходимы следующие основные условия: 1. отчетливое представление опрашиваемого о характере его этнической общности с другими людьми, т. е. наличие развитого национального самосознания, 2. возможность открыто и свободно высказывать убеждение об этом. Национальное самосознание не является природным свойством человека» (Кушнер П.И., 1951. С. 56, 42).

И.И. Потехин, занимаясь исследованием национально-освободительного движения и этнических процессов у африканских народов, определяет национальное самосознание как «прежде всего и главным образом, сознание принадлежности к своему народу, осознание его национальных интересов... национальное самосознание является органической частью общественного сознания и подчиняется тем же законам развития» (Потехин И.И., 1955. С. 218). Анализ развития национального самосознания исследователь проводит с использованием специальных терминов, в частности, «этническая территория», «этническая общность», «язык и культура».

В 60-х гг. XX столетия проблема самосознания стала интерпретироваться более широко, как «этническое самосознание», в частности, в работах С.А. Токарева и Н.Н. Чебоксарова. В работе Н.Н. Чебоксарова «Проблемы происхождения древних и современных народов» этническое самосознание включено в число признаков этноса, при этом подчеркнута вторичность этнического самосознания по отношению к основным признакам этнической общности. По его мнению, взаимодействие всех основных признаков этнической общности, «их суммарное влияние на образование и сохранение этнической общности выражается в виде вторичного фактора, фактора этнического самосознания, который является, в конечном счете, решающим для определения принадлежности к той или иной этнической общности» (Чебоксаров Н. Н., 1970. С. 748).

С.А. Токарев определил этническое самосознание как соотношение социальных связей, в частности, общности происхождения, языка, территории, государственной принадлежности, экономических связей, культурного уклада, религии, на которых может быть основана этническая общность. Исследователем установлено, что «исторически обусловленное соотношение между этими видами связи, порождает этническое самосознание, посредством которого субъективно определяется в наше время этническая принадлежность того или иного лица, той или иной социальной группы» (Токарев С.А., 1964.С. 53).

В дискуссии по теории нации, которую провел журнал «Вопросы истории» (1966–1969 гг.), обществоведы заново обратились к проблеме этнического самосознания: одни включали его в число признаков нации, другие отвергали, но на тот период так и не смогли прийти к единому мнению.

В течение длительного периода исследователи трактовали национальное самосознание как осознание индивидом своей принадлежности к определенной национальной общности. Вопрос о более широком его понимании поставил С.Т. Калтахчян. Он определил пять основных компонентов национального самосознания – «1. сознание этнической общности и отношение к другим этносам, 2. приверженность к национальным ценностям, языку, территории, демократической культуре, 3. осознание социально-государственной общности, 4. патриотизм, 5. осознание общности в национально-освободительной борьбе» (Калтахчян С.Т., 1967. С. 217).

Дальнейшее развитие проблема национального самосознания получила в трудах И.С. Кона, Б.Ф. Поршнева, Ю.В. Бромлея и др. В частности, Ю.В. Бромлей определил этническое самосознание как «непременное условие функционирования этноса» и как «неотъемлемый компонент этноса» (Бромлей Ю.В., 1983. С. 180). Л.М. Дробижева в ряде своих работ отметила: «мы понимаем его (этническое самосознание. – Авт.) не только как самоидентификацию, точнее, не только как отнесение себя тем или другим лицом к этнической группе. Мы понимаем его широко: это «образ мы», т. е. и этнические стереотипы, и представление о происхождении, историческом прошлом своего народа, о языке, о культуре, территории проживания и, что принципиально важно, мы включаем в этническое самосознание этнические интересы, то есть осознаваемые людьми потребности своего народа» (Дробижева Л.М., 1991. С. 19).

Подытоживая взгляды исследователей на проблему этнического самосознания можно констатировать, что его содержание понимается как *относительно устойчивая система отраженных в сознании объективно существующих элементов этнической реальности и способов жизнедеятельности этноса, преломленных сквозь призму индивидуального опыта.* Этническое самосознание является понятием более широкого плана, чем этническая идентичность, ибо оно включает в себя кроме собственно этнической и другие формы идентификации, соответствующие существующим факторам этнической реальности: культурной, языковой, расовой, религиозной, психологической и т. д., в то время как этническая идентичность основана, в первую очередь, на осознании общности происхождения, этнических ценностей и символов, традиций и обычаев, преемственности поколений. Истоки идентичности лежат в глубинных пластах этногенеза и этническая идентичность определяется тем значением, придаваемым членству в определенной этнической группе (Коновалова А.В., 2007. С. 122).

По мере накопления наработок по этническому (национальному) самосознанию возник вопрос о его структуре. М.В. Крюков в качестве компонентов этнического самосознания выделил представления о единстве происхождения и территории расселения, язык, особенности культуры и этнические стереотипы (См.: Крюков И.В., 1976. С. 42–62). Исследование структуры этнического самосознания нашло отражение и в работах Г.В. Шелепова, который определил его содержание пятью компонентами – осознанием людьми своей этнической принадлежности, этноцентризмом, этническим стереотипом, этническими симпатиями и антипатиями. Говоря о взаимосвязи между

всеми названными элементами, автор выделил среди них главный – «осознание людьми своей этнической принадлежности», отражающий общность их происхождения (*Шеленов В.Г.*, 1968. С. 72). По мнению Ю.В. Бромлея, «представление об общности происхождения членов этноса и своеобразное отражение его объективных свойств, будучи двумя важнейшими составляющими этнического самосознания, находятся в тесном взаимодействии, контролируя и дополняя друг друга» (*Бромлей Ю.В.*, 1983. С. 190). А.К. Уледов включил в структуру национального самосознания «взгляды и представления, связанные с самоопределением национальной общности, с осознанием социальных, социально-политических, нравственных, эстетических и многих других ценностей, т. е. психический склад, национальный характер, нравы и другое» (*Уледов А.К.*, 1992. С. 34).

Исследуя процесс формирования национального самосознания, Ю.В. Арутюнян выделил подпитывающие его источники: 1. Родовой, связанный с происхождением, который базируется на осознании общности происхождения, единства исторической судьбы народа и, как выражение социально-биологической природы, особенно сильно проявляется в экстремальных ситуациях, объединяя «своих по роду и племени» людей в своей или иноэтнической среде. 2. Психологический, проявляющийся в периоды кризиса и обесценивания накопленных целыми поколениями духовных идеалов, как попытка заполнить «пустоту» гипертрофированными национальными чувствами, «освящением» национальных ценностей и символов и заметно обостренными национальными чувствами и национальной идеей. 3. Культурный источник диктуется реальными культурными потребностями и интересами, стремлением к своей национальной культуре – нормам поведения, языку, социально-нравственным представлениям, обычаям, традициям и другим элементам, которым характерны национальные черты и оттенки. Наиболее яркое выражение культурные источники находят в национальной литературе, искусстве, фольклоре, семейных и бытовых нормах, в конечном итоге, определяя национальную общность и сознание людей. 4. Социальный и этносоциальный источник представляет собой общественные интересы, находящие выражение в национальном самосознании. Носителями их выступают, прежде всего, группы, заинтересованные в активных социальных ролях или остро нуждающиеся в этносоциальном общении. Социальная сущность данного источника – стремление к «активизации» собственных социальных ролей. Его внимание усиливается по мере преодоления социального отставания народа и роста его социально-культурного потенциала (*Арутюнян Ю.В.*, 1990. С. 31).

Дефиниция «этничность», несмотря на широкое употребление этого понятия в зарубежной науке, вошла в отечественную науку в перестроечный период. Впервые термин «этничность» в мировой научной практике употребил Л. Уорнер и его коллеги в 40-е гг. XX в. Данную категорию использовали А. Фишхоф и Л. Гумплович, хотя исходили из различных ее значений. По мнению Н. Глейзер и Д. Мойнихан, «в некоторой степени, правомочно утверждение, что те формы идентификации, которые основаны на различных социальных реалиях, таких, как религия, язык и национальное происхождение, имеют нечто общее (так, например, для ссылки на все эти понятия используется новый термин – «этничность»)). Общим для нас всех является то, что оно стало важным центром мобилизации групп на достижение конкретных политических целей, оспаривая первенство такой мобилизации у класса, с одной стороны, и у нации – с другой» (*Glezer N., Moynihan D.P.*, 1976, P. 18). В понимании Б. Андерсона и Э. Хобсбаума, явление этничности является универсальным и всеобщим, ибо этничность – всечеловеческий способ выражения лояльности к культуре своего народа, а территория её действия охватывает весь, без исключения, земной шар.

Феномен этничности является категорией междисциплинарных исследований, поэтому «основные объяснительные модели «этничности», разрабатываемые социологами и политологами, психологами и конфликтологами, сводятся к признанию этнической реальности как фундаментальной тенденции, связывающей человека и общность» (*Пискотель А.А.*, 1998. С. 36).

В постсоветский период обострение межэтнических отношений на всем российском пространстве заставило обществоведов заново обратиться к национальной сфере. Основой для теоретической дискуссии по проблеме этничности послужила статья С.В. Чешко «Человек и этничность» (См.: *Чешко С.В.*, 1994. С. 35–46), обусловившая в последующем рост интереса к феномену этничности (См.: *Арутюнов С.Л.*, 1995; *Заринов И. Ю.*, 1997).

С.Е. Рыбаков отмечает: «Этническое – это не язык, культура или склад психики, но и не все перечисленное вместе; этническое – это «нечто» само по себе, которое может лишь отслеживаться по указанным параметрам» и «эти самые «признаки» и «маркеры» затмевают исследователю

взгляд и отвлекают его внимание от проникновения в этническое само по себе» (*Рыбаков С.Е.*, 2001. С. 58, 62).

В современный период в исследовании этничности/этнической идентичности выделяются примордиалистский, конструктивистский и инструменталистский подходы. Примордиалистский подход к этничности представлен в трудах Л.Н. Гумилева, П. Ван ден Берге, К. Гирца, отчасти у Ф. Барта и Д. Мойнихана. Примордиализм включает в себя два основных направления: социобиологическое и эволюционно-историческое. Сторонники первого направления рассматривают этничность как объективную данность, изначальную характеристику человечества. Сторонники второго (эволюционного историзма) характеризуют этнос как социальное, а не биологическое сообщество, глубоко связанное с конкретно историческим комплексом. Социобиологическое понимание этноса представлено в работах Л.Н. Гумилёва, который развил идеи, сформулированные в начале XX в. М.С. Широкогоровым. Для «примордиалистов» этнос является естественным явлением, ему характерно общее происхождение и общая культура.

Конструктивизм рассматривает порождаемое на основе дифференциации культур этническое чувство и формируемые в его контексте представления и «доктрины» как интеллектуальный конструкт учёных, политологов, писателей, которые внедряются в массовое сознание при помощи системы образования и СМИ. Основными теоретиками конструктивизма являются Б. Андерсон, Р. Бурдье, Э. Геллнер, Э. Хобсбаум.

Э. Смит считает этничностью, а точнее, этнией, некую социальную группу, обладающую мнимым общим происхождением и хранящую общие воспоминания о прошлом. Членам этнической группы присуще социальное взаимодействие, так как они связаны друг с другом специфическими элементами культуры, религии, языка и обычаев, а в некоторых случаях даже сумели создать сильную связь с территорией и страной предков. Этничность коренится в общих мифах, воспоминаниях, ценностях и символах – в ансамбле, который создается обществом и постоянно меняется (*Альтерматт У.*, 2000. С. 63).

Как видится, этничность нельзя рассматривать как явление статичное, как это предлагают некоторые исследователи социальных проблем, ее необходимо понимать исторически, как нечто, предполагающее новое содержание. Она в большей степени является воображаемой и сконструированной, чем реальной. В основе инструменталистского понимания этничности лежит социально-психологическая теория личности, общения, компенсаторных потребностей. Инструменталисты объясняют сохранение этнической группы потребностями людей в преодолении отчуждения, свойственного современному обществу массовой культуры, в достижении целей. Инструменталистский подход свойственен трудам М. Бэнкса, М. Бэнтонна, Н. Глейзера, Э. Смита, Д. Хоровитца, М. Фишера, А. Эпштейна и др.

Большинство зарубежных исследователей примордиалистского и конструктивистского направлений считают самым важным в этничности эмоциональный компонент. Так как этничность ситуативна и в социальной идентификации она занимает не постоянное, хотя и существенное место, под воздействием внешних факторов она может возражать или ослабевать.

В отечественной науке существуют разнообразные подходы к изучению феномена этнической идентичности, в частности, по мнению С.Е. Рыбакова, «раздутое и отмеченное сегодня небывалым полемическим пафосом противостояние между «конструктивистами» и «примордиалистами» в российском научном сообществе явно обусловлено преимущественно идеологическими мотивами. Конечно, здесь есть предмет и для собственно научной дискуссии, однако, характер «вселенского спора» ей придает именно идеологический «привкус», и это ни для кого не секрет. Ведь совершенно естественно, что примордиализм – это, как правило, кредо национально мыслящего консерватора, а конструктивизм – космополитически ориентированного либерала» (*Рыбаков С.Е.*, 2003. С. 5). Далее С.В. Рыбаков отмечает некорректность радикального конструктивизма, потому что «конструктивизм – это не теория, а некоторое описательное утверждение о том, что политическое и культурное самосознание является результатом человеческой деятельности... Проповедуемый же некоторыми адептами бескомпромиссный, приобретающий характер идеологии и даже своеобразной постмодернистской «религии» конструктивистский инструментализм никак не может быть признан адекватной методологией для этнологической науки» (*Рыбаков С.Е.*, 2003. С. 6).

Отдельные конструктивистские положения и выводы справедливы, а социальные конструкты при определенных условиях являются несомненной реальностью. Нельзя не согласиться со сторонниками конструктивизма в том, что этнос и этничность, имея объективную природу, в то же время фактически базируются на ее отражении в самосознании, на субъективности – на том

сугубо субъективном феномене, который Ю.В. Бромлей называет «этническим самосознанием» (а наши англоязычные коллеги – «этнической идентичностью») (Рыбаков С.Е., 2003. С. 6): «...собственно этническая общность предстает как результат совместной исторической практики ряда поколений людей, воплощенной в специфических материальных и духовных атрибутах этой общности и фиксированных в сознании ее членов. Именно поэтому для существования этникоса важнейшее значение имеют межпоколенные (диахронные) информационные связи, а также самосознание составляющих его людей, включающее в той или иной форме представление об общности исторических судеб их предков» (Бромлей Ю.В., 1983. С. 383).

Как отмечает С.В. Чешко, «Какие бы объективные корни ни имела этничность, она, в конечном счете, представляет собой продукт человеческого (массового) сознания» (Чешко С.В., 1994. С. 40). Совершенно справедлива позиция И.Ю. Заринова относительно того, что «природа этнического феномена настолько сложна и разнообразна, что постижение ее в рамках одной методологической модели просто невозможно. Что касается отечественной теории этноса и западной концепции этничности, то при всей их видимой противоположности они должны иметь точки соприкосновения, так как имеют дело с одним и тем же социальным феноменом, но проявляющимся через различные историко-культурные реалии» (Заринов И.Ю., 2000. С. 16). Аналогична позиция Э.Г. Александренкова, который подчеркивает, что «среди ряда identities есть и ethnic identity, рассматриваемая как идентификация себя с этнической группой. Такое понимание ethnic identity мало чем отличается от понимания «этнического самосознания». Различие заключается лишь в понимании «этноса» и «этнической группы». Но оно представляется недостаточным для того, чтобы в русский язык вводить термин «этническая идентичность», если в нем есть почти идентичное понятие «этническое самосознание» и далее «чувство принадлежности к группе было сформулировано в конце концов на английском языке как ethnic identity, и вполне соответствует русскому «этническому самосознанию» (Александренков Э. Г., 1996. С. 20–21).

Обобщая различия между конструктивизмом и эссенциализмом, можно выделить две основные позиции. Во-первых, и конструктивисты, и эссенциалисты строят некую идеальную модель этничности (или этноса), однако, первые берут эту модель из «должного будущего» (идеального образа «цивилизованного человечества»). Во-вторых, конструктивисты явно тяготеют к методологической унификации, к рассмотрению «этнической группы» как представителя общего ряда всевозможных социальных групп, в то время как эссенциалисты озабочены поиском того «собственно этнического» («этнической субстанции»), которое делает этническую группу этнической; иными словами, первые делают акцент на «этнической группе», а вторые – на «этнической группе» (Рыбаков С.Е., 2003. С. 7).

Исследователи выделяют условия относительной адекватности конструктивистского (постмодернистского) образа этничности: а) наличие активно формирующегося феномена нации как согражданства; б) превалирование национальной идентичности над этнической, а точнее – более или менее продвинутый процесс замещения этнического самосознания национальным в ходе нациогенеза (нациестроительства); в) наличие городской среды обитания; г) существование индивидуального, атомарного способа бытования и функционирования этничности; д) бытование реликтов прежней традиционной этничности (порой уже в мифологических формах) – преимущественно у мигрантов, оторвавшихся от своего этноса, но еще не успевших (или по каким-либо причинам не желающих) раствориться в новом социуме – нации (Рыбаков С.Е., 2003. С. 8).

В отличие от советской теории этноса постмодернистские интерпретации этничности, «кажется, намеренно уходят от исторической парадигмы развития человеческого общества, сосредоточивая свое внимание исключительно на теперешних результатах этого развития» (Заринов И.Ю., 2000. С. 7). Несмотря на отсутствие в научном сообществе общепринятой дефиниции феномена этничности, существуют некоторые характеристики, свойственные для общностей, которые позволяют считать их этническими или говорить о присутствии этничности как таковой: 1. разделяемые членами группы представления об общем территориальном и историческом происхождении, единый язык, общие черты материальной и духовной культуры; 2. политически оформленные представления о родине и особых институтах, как, например, государственность, которые могут считаться частью того, что составляет понятие «народ»; 3. чувство отличительности, т.е. осознание членами группы своей принадлежности к ней, и основанные на этом формы солидарности и совместные действия.

При всем многообразии подходов к определению этничности в целом сложилось представление о ней как о социальном по своей сущности феномене. Н.Г. Скворцов выделил в

процессе исследования аспекты понимания этничности: «1. интеракционный, когда этничность интерпретируется как форма межгруппового взаимодействия; 2. атрибутивный, когда этничность – это качество (набор определенных качеств группы); 3. субъективно-символический, когда этничность рассматривается, прежде всего, как этническая идентичность» (*Скворцов Н.Г.*, 1997. С. 49). По мнению *З.В. Сикевич*, этничность – это «особое константное, хотя и различное по интенсивности, состояние групповой идентичности и солидарности, формирующееся на основе биогенетического и биосоциального единства и проявляющееся в форме сравнения «нас» с «не-нами» в ходе межгруппового взаимодействия в этническом пространстве» (*Сикевич З.В.*, 1996. С. 7).

С учетом вышесказанного можно констатировать, что этническая идентичность является внутренним, субъективно-символическим аспектом этничности, выражая в осознании и переживании личности его принадлежность к определенному этносу, народу. Она основывается на комплексе национальных символов и признаков, которые формируют единство с этносом, несмотря на существующие внутри него различия.

Исследователи подчеркивают, что этническая идентичность является процессом, подверженным трансформации, поэтому представляется необходимым обозначить причины деформации данного явления.

Как отмечалось, вторая половина XX столетия характеризуется усилением процесса роста этнического, национального самоопределения, возрастанием фактора самоидентификации, осознания принадлежности к определенному народу, этнической общности.

В научной литературе усиление фактора этнической идентичности, наблюдаемое практически повсеместно, воспринимается как этнический парадокс, как процесс, способствующий все нарастающей унификации духовной и материальной культуры. Возрастание интереса людей к историческому наследию, традициям, обычаям, ценностной символике, национальной культуре выливается в самые различные формы – от попыток реанимации старинных обычаев и обрядов, фольклоризации профессиональной культуры, поисков «загадочной национальной души» до стремления создать или восстановить свою национальную государственность (*Этнос. Идентичность. Образование. Труды по социологии образования.* 1998. С. 31).

В современном обществе рост фактора этнической идентичности обусловлен рядом причин: реакцией народов со слабым развитием индустрий на мировое разделение труда, порождающее экономическую и технологическую экспансию индустриальных стран; мировой социальной конкуренцией, в результате которой интенсифицируется внутриэтническое взаимодействие, несмотря на унификацию материальной и духовной жизни; повышением влияния больших социальных групп в экономике и политике и облегчением процессов их сплочения посредством средств массовой коммуникации (*Воронина Н.И.*, 2010. С. 393).

Рост фактора этнической идентичности народов РФ имеет свою специфику. Он связан с политическими событиями, имевшими место в период Российской империи и в годы советской власти. Для многих народов бывших национальных окраин Российской империи до сих пор памятны события национально-освободительной борьбы, причем не только XIX в., но и ряде случаев и XV в. До сих пор обсуждаются ужасы депортации многих народов, последствия репрессий против национальной интеллигенции. Несправедливой представляется произвольность этнотерриториального членства страны: только 53 народа из более чем 100, проживавших на территории бывшего СССР, имели обозначенные территориальные единицы. Причем, была установлена строгая иерархия национальных территорий – верхнюю ступень занимали союзные республики, нижнюю – автономные республики, автономные области, автономные округа. А статус национально-государственных образований и их границы очень часто определялись без учета реального расселения народов. В этой ситуации задолго до распада СССР многие этносы стремились к самоопределению (*Коновалова А.В.*, 2007. С. 120). После распада СССР у многих жителей бывших союзных республик, оказавшихся нежелательными иммигрантами, появляется «синдром навязанной идентичности», сопровождающийся «усилением этнической компоненты в противовес гражданской, что приводит к активизации механизмов социально-психологической защиты, итогом которой является этническая идентичность и этническая интолерантность» (*Дробижева Л.М.*, 2003. С. 28).

Человеку всегда необходимо ощущать себя частью понятия «мы». В период острой социальной нестабильности многие люди организуются в группы субкультур, которые им представляются более устойчивыми, способными защитить их интересы. Этнос – одна из таких групп, в осознании принадлежности к которой человек ищет опору в жизни. Этническая общность, отмечают исследо-

ватели, – это межпоколенная группа. Она устойчива во времени. Для нее характерна стабильность состава, а каждый человек обладает устойчивым этническим статусом, его невозможно «исключить» из этноса. Благодаря этим качествам этнос является для человека надежной групповой поддержкой.

В настоящее время конструирование идентичности этнической общности как самоорганизующейся системы сопровождается установлением собственной иерархии разнообразных ролевых принадлежностей, основанной на действии обязательных в рамках общности норм, правил и процедур, и подкрепляется нормативным распределением социальных статусов и авторитетов. Надо отметить, что юридическое признание равного этнического статуса народов, этнических общностей в многонациональном государстве не означает их реального равноправия, здесь дает о себе знать так называемая модель «правления большинства», неизменно сопровождающаяся возникновением этнической конкуренции, соответственно, иерархизации этнического статуса. Причина этого кроется в том, что определение и распределение правовых гарантий не всегда происходит с учетом разнообразия этнических общностей, их культурного, социально-экономического положения. За них часто пытаются принимать решения, игнорируя многие факторы.

Изучение роста фактора идентичности выявило свойственные данному процессу, как и каждому общественному явлению, противоречия и деформации. Исследователи (Р.Г. Абдулатипов, Э.А. Баграмов, М.Н. Губогло, В.В. Мунтян и т. д.) выделили несколько типов противоречий, характерных национальному самосознанию: 1. познавательные, 2. нравственно-эмоциональные, 3. поведенческие. В процессе познания и самопознания характерно существование *противоречий познавательного характера*. Они возникают, прежде всего, при столкновении и знакомстве с материальной и духовной культурой, традициями и обычаями, историческим наследием другого этноса, приводя к осознанию различий между народами. Полученные знания не всегда соответствуют бытовавшим до этого и существующим представлениям, что может явиться почвой для их изменения, следовательно, и возникновения противоречий. *Противоречия нравственно-эмоционального характера* формируются на базе познания отличительных черт другого народа: у «нас» определенные понятия и принципы нравственности, а у «них» не такие, а это может способствовать появлению негативного отношения и отрицательных эмоций. На основе вышперечисленных противоречий возникают *противоречия поведенческого характера* как своеобразное непризнание правил, норм поведения, исторического наследия другого этноса и т.д.

Послереволюционные преобразования привели к коренной ломке устоявшихся традиций ведения хозяйства дагестанских народов. Началось строительство нового общества, вовлекшее дагестанские народы в процесс построения социалистического общества. Искусственно вносимое в национальную жизнь и образ жизни «чужеродное» явление, однако, встречало непонимание и непризнание в общественном сознании дагестанских народов. На деформирование этнической идентичности определенное влияние оказывала господствовавшая идеология, которая имела цель сглаживать, притушевывать особенности традиций и национальной культуры, а историческое наследие дагестанских народов подвергалось забвению.

Существовавшая система противопоставила национальное интернациональному, что особенно сильно сказалось на городском населении, несколько поколений которого не владели родным языком, т. к. необходимость знания которого оказалось не столь значимой. В то же время нельзя отрицать большие позитивные процессы, происходившие в социальной структуре, в развитии народов Дагестана, в качественном росте их этнического самосознания, выразившиеся в целенаправленном изучении национальной истории народа, края, определении своего места среди других народов, появлении возможностей для более свободного и всестороннего развития этнокультуры, искусства и т. д.

Несмотря на большие катаклизмы в российской истории в конце XX в., благодаря происходившим в обществе переменам, в духовную жизнь дагестанских народов стали возвращаться многие ценные исторические труды, которые раньше невозможно было опубликовать, появились исследования по-новому освещающие исторические события и деятельность исторических личностей. Конечно, не так все благополучно обстояло в сфере межнациональных отношений. Гласность и демократия постсоветской России привели и к другой крайности – появлению «исторических трудов», совершенно не соответствующих исторической действительности.

В перестроечный период развал экономической базы российского общества отразился на духовной сфере, произошла ломка и смена прежних духовно-нравственных ценностей. В этот период характерным являлся процесс грубого противопоставления одного народа другому, попытки поиска «врагов» Родины и народа среди соседних народов, сформировались чуждые для советской идеологии формы национализма, нетерпимости во взаимоотношениях ранее дружественных народов, и самое отвратительное явление – наделение ярлыками, оскорбляющими как личность, так и целые народы.

Существование неблагоприятного климата в межэтнической сфере приводит к тому, что «каждый народ свой национальный интерес (особенно в экономической сфере) не может удовлетворить только за счет собственных усилий. Нужен еще дополнительный внешний источник, что зависит, между прочим, от отношения данного народа к другим, в первую очередь, к своим соседям. И если это отношение негативно, то рассчитывать на полноту удовлетворения интереса своего народа не приходится. Он будет испытывать постоянный дефицит в политической, экономической и культурной сферах. А это, в свою очередь, будет провоцировать его на внешние «подвиги», тем самым еще больше ухудшать вокруг него межнациональную ситуацию» (Иордан М., 1992. С. 114).

Фактором роста этнической идентичности является не только активная деятельность творцов национальных идей и взглядов, но и то, насколько эти идеи и взгляды проникли в массовое сознание. В 80-е гг. XX в. не только для «конфликтующих», но и для «мирных» народов была характерна резкая политизация и идеологизация этничности, которая проявилась в поиске собственного пути развития. Активность национальных движений способствовала политизации этнической идентичности и обострению общественно-политических и межнациональных противоречий. Идеи национальной независимости быстро распространяясь в обществе, в определенный момент становились ведущими элементами этничности.

На изменение содержания национальной идентичности влияют и общечеловеческие, глобальные изменения. Многие исследователи уделили внимание этим проблемам, выделив среди таковых ускоренную глобализацию социально-экономических и культурных проблем, которая сопровождается резким ростом транснациональных институтов и движений; ослабление национального государства как такового и ускорение распространения средств глобальной коммуникации, последняя способствует взаимовлиянию культур разных народов; рост значимости проблемы «прав» и усиление чувства «всемирного гражданства», космополитизма.

Выводы:

1. Проведенный анализ проблемы этничности/этнической идентичности позволяет выделить существующие в науке три подхода: примордиализм, инструментализм и конструктивизм. В современной науке теоретико-методологическим основанием исследования является полипарадигмальный подход, который совмещает постулаты примордиализма – об устойчивости природы этноса и его объективном происхождении – с тезисами конструктивизма – об изменчивой природе этнической идентичности – и инструментализма – о возможности использования этничности как политического ресурса.

2. Рассмотрение этнической идентичности в трехмерном проявлении обуславливает применение на микро- и мезоуровнях примордиалистского подхода к исследованию этнической идентичности, соответственно, рассмотрение этноса как социальной общности, сформировавшейся в течение длительного исторического периода с комплексом объективных признаков (единство происхождения, язык, территория, этноним); на микроуровне – предел делимости этноса, при котором сохраняются его основные свойства, представляет человек, и он является микроэтнической единицей. Макроуровень, как соотнесение к государственному образованию, предполагает применение положений конструктивизма и инструментализма, рассматривающих этничность/этническую идентичность исключительно как продукт сознательной деятельности политической элиты.

3. В структуре социальной идентичности этническая идентичность занимает лидирующее положение и является мощным фактором. Особенно сильно возрастает ее роль в периоды кардинальных трансформаций общества, вынуждая большой пласт людей к поиску более стабильной сферы идентификации.

4. Существование в научной литературе разных концепций в исследовании этничности и этнической идентичности обуславливает необходимость разграничения и классификации данных понятий. В отечественной науке встречаются подходы, пытающиеся рассмотреть категории *этничность* и *этническая идентичность* как равнозначные, причем этническая идентичность

рассматривается как понятие, схожее с «этническим самосознанием в широком смысле» и «этническая идентификация» с «этническим самосознанием в узком смысле».

5. Этничность понимается как социальное образование, а этническая идентичность – как духовное образование, осознание коллективной отличительности, с целым комплексом культурных диакритиков, представление о территории проживания, едином происхождении, языке и культуре, историческая память, этнические стереотипы (автостереотипы и гетеростереотипы), которые варьируются в зависимости от ситуации.

ЛИТЕРАТУРА

Александренков Э.Г. «Этническое самосознание» или «этническая идентичность» // Этнографическое обозрение. 1996. № 3. С. 13–22.

Альтерматт У. Этнонационализм в Европе. М., 2000. – 367 с.

Арутюнов С.Л. Этничность – объективная реальность (отклик на статью С.В. Чешко) // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 7–23.

Арутюнян Ю.В. Социально-культурное развитие и национальное самосознание // Социологические исследования. 1990. № 7. С. 42–49.

Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983. – 412 с.

Водопьянова Н. А. Потенциал интегрированных маркетинговых коммуникаций в формировании российской идентичности // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов/н/Д., 2007. С. 48–57.

Воронина Н.И. Идентичность и толерантность в многокультурности российской культуры // Толерантность в культуре и процесс глобализации. М., 2010. С. 388–445.

Дробижева Л.М. Этническое и историческое самосознание народов СССР на рубеже последнего десятилетия XX в. (в конце 60-х – нач. 90-х гг.) // Духовная культура и этническое самосознание. М., 1991. С. 26–38.

Дробижева Л.М. Социальные проблемы межнациональных отношений в постсоветской России. М., 2003. – 376 с.

Иванова С.Ю., Аракелян Э.А. Становление гражданской идентичности в полиэтничном социуме // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов/н/Д., 2007. С. 76–95.

Заринов И.Ю. Исторические рамки феномена этничности (по поводу статьи С.В. Чешко «Человек и этничность») // Этнографическое обозрение. 1997. № 3. С. 21–31.

Заринов И.Ю. Время искать общий язык (проблема интеграции различных этнических теорий и концепций) // Этнографическое обозрение. 2000. № 2. С. 3–18.

Иордан М. Наука национального примирения // ОНС. 1992. № 4. С. 110–116.

Калтахчян С.Т. Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности. М., 1967. – 460 с.

Коновалова А.В. Формы проявления этнической идентичности в полиэтничном социуме // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов/н/Д., 2007. С. 119–131.

Кушнер П.И. Этнические территории и этнические границы. М., 1951. – 280 с.

Крюков И.В. Эволюция этнического самосознания и проблема этногенеза // Расы и народы. Выпуск 6. М., 1976. С. 42 – 63.

Лихачев Д.С. Национальное самосознание Древней Руси. М-Л., 1945. – 336 с.

Мавродин В.В. Формирование русской нации. М., 1947. – 36 с.

Мавродин В.В. Образование Древнерусского государства. Л., 1945. – 396 с.

Майборода Э.Т. Этническая идентичность в концепциях коллективных прав человека // Вектор идентичности на постсоветском пространстве. Ростов/н/Д., 2007. С. 147–162.

Милоков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 3. Выпуск 1. С.-П., 1901. – 187 с.

Пискотель А.А. Этничность и «внутренняя природа» человека // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Выпуск 5. М., 1998. С. 35–54.

Потехин И.И. Формирование национальной общности южноафриканских банту. М., 1955. – 264 с.

Рыбаков С.Е. Философия этноса. М., 2001.

Рыбаков С.Е. Этничность и этнос // Этнографическое обозрение. 2003. № 3. С. 3–24.

Сагдиева Э.А. Трансформация этнической идентичности трудовых мигрантов // Этнологические исследования в Татарстане. Казань, 2009.

Скворцов Н.Г. Проблема этничности в социальной антропологии. СПб., 1997. – 184 с.

- Сикевич З.В. Этнический фактор в политических процессах современной России. СПб., 1996.
- Токарев С.А. Проблема типов этнических общностей (к методологическим проблемам этнографии) // Вопросы философии. 1964. № 11. С. 43–53.
- Уледов А.К. Русская идея как феномен национального самосознания // Вестник высшей школы. 1992. № 7–9. С. 52–60.
- Чебоксаров Н.Н.* Проблемы происхождения древних и современных народов (Вступительное слово на симпозиуме). Труды VII МКАЭН. Т. V. М., 1970. – 748 с.
- Чешко С.В.* Человек и этничность // Этнографическое обозрение. 1994. № 6. С. 35 – 49.
- Шелепов В.Г. Общность происхождения – признак этнической общности // Советская этнография. 1968. № 4. С. 65–74.
- Эрикссон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996. – 342 с.
- Этнос. Идентичность. Образование. Труды по социологии образования. Т. IV. Выпуск VI / Под ред. В.С. Собкина. М., 1998.– 268 с.
- Banks M.* Ethnicity: Anthropological Constructions. London; N-Y., 1996.
- Glezer N., Moynihan D.P.* Ethnicity: Theory and Experience. Cambridge (USA), 1976.